

9(47-21) Чижевков Л.
Ч-Одесские бочки
Часть I.

1915

Библиографическое

Одесская Библиографическая

9/47-21/

7-3905-002

Л. ЧИЖИКОВЪ.

02

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ОДЕССКАГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Л. Чижиковъ

~~055~~
Чиж.

~~002~~
4

Редкая книга

ОДЕССКІЕ БУКИНИСТЫ

(СТРАНИЧКА ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ОДЕССЫ.)

201575
Одесская Библиотечка
№ 191 п.
Н. В. Т. Давидов

25325

О. Д. О. В.
ПЕРСОНАЛЬНАЯ
№ 106272

ОДЕССА.

«Центральная» типографія Н. Лемберга
(Херсонская ул., д. № 21).

1915.

20175/24

Одесские букинисты.

(Страничка изъ недавняго прошлаго Одессы).

Книжный антикваріатъ, купля—продажа книги, бывшей въ употребленіи, книги хотя и новой, въ смыслѣ ея внѣшней чистоты и сохранности, но уже утратившей номинальную рыночную ея стоимость за негодностью, за отсутствіемъ спроса, равно и книги по той или иной причинѣ ставшей рѣдкой, нашелъ своихъ агенто́въ въ лицѣ представителей совершенно особаго типа. Этого промыселъ, современный, вѣроятно, изобрѣтенію типографскаго станка, столь широко распространенный въ Европѣ и представляющій тамъ организованное цѣлое, корпорацію съ своимъ ритуаломъ, особенностями условнаго языка, своей этикой и проч.,—у насъ въ Россіи возникъ также сравнительно давно, въ московской Руси, получивъ свое начало въ Москвѣ, по бѣлѣ прославленной Сухаревой площади, но по мѣрѣ развитія книгопечатанія дифференцировался на скупщиковъ, продавцовъ и на отхожихъ людей, ходебщиковъ—офеней, или, примѣняя терминъ однороднаго явленія въ Европѣ—колпортеровъ. Наши книжники—антиквары еще въ срединѣ прошлаго вѣка промыселъ свой отправляли не въ хоромахъ, не въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, а на подвижныхъ ларяхъ, располагаясь въ праздничные дни въ развалъ на толкунѣ, т. е. на толкучемъ рынкѣ, на доскахъ, на сложенныхъ временно изъ чего попало щитахъ, уложенныхъ на зыбкихъ подставкахъ, какъ это и по сю пору практикуется на той же Сухаревой площади, искони предустановленномъ и всей Россіи доподлинно извѣстномъ, главнымъ, но уже въ настоящее время утратившемъ свое бывшее значеніе, популярномъ мѣстѣ.

Я только что сказалъ, что сословіе букинистовъ представляетъ особый, своеобразный міръ, подчиненный своимъ обычаямъ, общими интересами сплоченный міръ. Организация эта до чрезвычайности была любопытна въ недавнее еще время, въ Москвѣ въ особенности, гдѣ типъ букиниста получилъ яркую, сочную колоритность, хотя не лишенную, конечно, нѣкоторой пестроты, въ зависимости отъ индивидуальнаго характера слагаемыхъ этой организаціи. Единичные представители этого недавняго прошлаго по своимъ особенностямъ, въ силу личной, отличавшей ихъ само-бытности, соединенной нерѣдко съ высокой честностью, свято

чтутся въ памяти живущихъ; имена ихъ занесены на скрижали книгопродавческой исторіи.

Я отнюдь не ставлю себѣ задачей обзорѣніе нашей мѣстной антикварно-книжной исторіи, но не могу обойти молчаніемъ тѣхъ изъ ея типичныхъ представителей, что творили у насъ недавнюю страницу нашего антикварно-книжного былого. Въ нашей „старой Одессѣ“ книжный антикваріатъ зачался на толкучемъ рынкѣ, на толкучкѣ, на толкунѣ, какъ говорятъ въ Москвѣ, и только на немъ—на толкучемъ, на ней—на толкучкѣ, онъ производился, происходилъ весь сполна, во всемъ его объемѣ, гдѣ обыватели продавали за наличныя свое книжное добро, гдѣ сбывалось незаконнымъ путемъ прибрѣтенное; тамъ же происходилъ обмѣнъ книги на книгу, либо на что-нибудь иное, кромѣ книги; словомъ, толчекъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ обыватель снабжался за дешевую цѣну и душевспасительной, и для алкавшей вкусить горькаго плода ученія молодежи—учебной, державной книгой. Толкучій рынокъ находился тогда и весь умѣщался въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ площади, именуемой нынѣ Яловиковской, у конца Александровскаго проспекта, который именовался раньше просто „Проспектъ“, у его устья и истока нынѣшней Александровской улицы. Чтобы растолковать и выдрать опредѣленіе, топографію нахождения толкучки, въ старой, да и въ новой Одессѣ говорилось: около башни, гдѣ часы, у эшопы. Исторія сохранила намъ имена трехъ первыхъ букинистовъ, ту троицу, что были піонерами-книжниками, которымъ принадлежитъ приоритетъ насажденія букинизма въ Одессѣ, и которые лишь въ недавнее время сочли земные счеты, закончивъ дни свои на склонѣ лѣтъ, съ достаткомъ весьма различной цѣнности. Я въ своихъ очеркахъ коснусь только лицъ, уже отошедшихъ, переселившихся уже въ лучший міръ, и да простятъ мнѣ тѣни усопшихъ и преемники ихъ за то, что я тревожу память прошлаго. Но я соблюду классическое правило: *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Имена первыхъ трехъ лицъ: Распоповъ, Газисъ и Гордукаловъ, хотя фамиліи послѣдняго никто не зналъ, и иначе его не именовали, какъ „Радіонъ“; и публика, и собратья къ нему иначе не обращались, какъ только называя его по имени; но за то и лично, и заочно только метрическимъ его именемъ титулуя, а не какъ-либо иначе, не по прозвищу, по кличкѣ, для каждого почти у нихъ имѣвшейся, подчасъ весьма обидной, или неприличной.

Изъ нихъ Елисей Петровичъ Распоповъ, въ послѣдствіи первѣйшій на югѣ Россіи книгопродавецъ, владѣлецъ книжныхъ складовъ на

Дерибасовской и Преображенской ул., собственникъ большого дома въ центрѣ города и общественной библіотеки, коммисіонеръ изданій Государственной Канцеляріи и Императорской Академіи наукъ, первоиздательный купецъ, потомственный почетный гражданинъ и „кавалеръ“, какъ онъ именовался на своихъ бланкахъ и каталогахъ, начало своему благополучію положилъ тамъ, у энопы, въ деревянной будкѣ, на толкучкѣ, въ качествѣ маленькаго по первоначалу букиниста. Времена были другія, лучшія времена процвѣтанія Одессы, время ея роста и наростанія благополучія и общественнаго и личнаго. Давно прошедшія времена, отъ которыхъ лишь память осталась...

Другой букинистъ, коллега перваго—Газисъ, или, какъ заочно его именовали изъ-за его греческаго происхожденія „пиндось“ (кличка, принятая для грековъ на югѣ и ничего обиднаго не содержащая), будка котораго стояла бокъ о бокъ съ будкой Распопова и посреди между будкой Гордукалова. Дмитрій Газисъ, какъ значилось впоследствии на наклейкахъ на книгахъ его библіотеки для чтенія, помѣщавшейся на Успенской улицѣ, также преуспѣлъ на жизненномъ пути, не столь много преуспѣлъ, сколько его первый собратъ, но имѣлъ возможность уйти изъ юдоли много лучше третьяго, Радіона Гордукалова.

Фортуна ласково улыбнулась Газису, наградила его достаточнымъ благополучіемъ, но, какъ говорятъ, женившись вторично, онъ не сумѣлъ угодить Гименею, и закатъ его дней ознаменованъ былъ поклоненіемъ Бахасу, хотя не на шумныхъ, многочисленныхъ пиршествахъ, а въ скромномъ одиночествѣ, и не нектаръ служилъ усладой многихъ послѣднихъ его лѣтъ, а ничто русское, казной монополизированное. Проживъ долгій вѣкъ, онъ умеръ также пропріетеромъ. Магазины его на Троицкой улицѣ, сначала въ домѣ бывшемъ Раухвергера, и библіотека при немъ занимали обширныя и многочисленныя помѣщенія, которыя были снизу доверху буквально набиты книжнымъ добромъ въ несчетномъ количествѣ. А въ ту пору, въ тѣ лучшія времена, хорошія книги были не въ рѣдкость. Среди книжныхъ богатствъ въ магазинѣ Газиса были волюмы и первостатейной важности, и богато украшенныя гравюрами изданія, и забавные курьезы, и раритеты на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и многое множество русскихъ рѣдкостей. Чего-чего только не было у него, даже тогда, когда дѣло пришло уже въ упадокъ, когда магазинъ перекочевалъ съ насѣженного мѣста поближе къ Преображенской, по той же Троицкой улицѣ. Умеръ Газисъ въ преклонномъ возрастѣ, убѣленнымъ почетными сѣдинами старцемъ, оставивъ дѣтямъ и молодой еще

женѣ хорошо налаженное дѣло съ бібліотекой—дѣло, въ которомъ было около полусотни тысячъ книгъ; оставивъ недвижимое имущество, хотя и не пышный дворецъ, не роскошный замокъ, а домъ гдѣ-то на Молдаванкѣ, но зато нигдѣ не заложенный. Все это въ скоромъ времени по его смерти ушло прахомъ.

Третій сотоварищъ первыхъ двухъ соратниковъ того же поля, Радіонъ Тимофеевичъ Гордукаловъ, происходилъ изъ казаковъ и казакомъ окончилъ дни свои. Началъ онъ на толкучемъ въ будкѣ, и будкой карьера его кончилась, съ той перемѣной, что будка его, пространствовавъ съ мѣста на мѣсто, простояла долго на Греческой площади, передвинулась волею судьбы на тротуарную обочину, на уголь той же Греческой площади и улицы того же названія. Этотъ старшій запорожецъ, незамѣтно умершій, безъ недуговъ, въ одинъ осенній день просто не явился на свой постъ, не пожаловалъ въ свою неизмѣнную будку, въ послѣднее передъ его смертью время почти опустѣвшую, скучную, но неизмѣнную будку, а черезъ нѣсколько дней, тихо, совершенно незамѣтно, безъ жалобъ скончался, какъ настоящему казаку надлежитъ, согласно доброму, суровому, рыцарски-благородному уставу уже почти забытой славной запорожской Сѣчи. Онъ умеръ и дѣлами своими похороненъ (я лично знаю только о существованіи одного сына, служившаго въ магазинѣ Петрококино), не оставивъ никакого имущественнаго добра, котораго у него и во всю его долгую жизнь не было. Да онъ къ этому добру, очевидно, былъ въ высокой степени равнодушенъ, къ стяжаніямъ не устремлялся и на нихъ не зарился. Но думаю, что могъ бы, несомнѣнно, въ старыя времена, добрыя времена, преуспѣть, если не подобно своимъ сверстникамъ-товарищамъ, также съ мѣднымъ гршемъ начинавшимъ свое маленькое, ставшее въ послѣдствіи большимъ дѣло,—то все же не съ пустыми руками; но, повторяю, къ земному тлѣнью онъ былъ равнодушенъ философски. Миръ праху его.

Таковы были три первые зачинатели книжнаго антикваріата въ Одессѣ, умершіе въ скоромъ времени одинъ за другимъ въ такой послѣдовательности: Д. Газисъ, Е. Распоновъ, Р. Гордукаловъ.

Вокругъ нихъ появились другіе, много другихъ. Измѣнялась жизнь, формы жизни преображались, дѣло измѣлчало съ появленіемъ множества букинистовъ, а конкуренція уже не даетъ возможности на старой книгѣ строить палаты каменные. Всѣ современные намъ одесскіе букинисты это горько сознаютъ и въ особенности чувствуютъ. Но прежде, нежели перейти къ другимъ отошедшимъ букинистамъ, я позволю себѣ сказать немного, что

знаю, въ личную характеристику первыхъ трехъ. Всѣ трое были спокойнаго, уравновѣшеннаго характера, флегматики, всѣ женаты, всѣ почти не знали болѣзней и дожили до очень пожилого возраста. Всѣ они были люди, на мѣдные гроши обучавшіеся, а, быть можетъ, и вовсе не учившіеся и грамоту „самоукомъ“ добывшіе, что не мѣшало имъ, благодаря постепенному навишу, многолѣтнему опыту, достигъ превосходнаго умѣнія распознавать книгу, даже такую, которую они впервые встрѣчали, ориентироваться какъ въ пріобрѣтеніи, такъ и сбытѣ почти безошибочно. Я говорю „почти“, ибо книгу рѣдкую, даже и русскую книгу, они брали больше чутьемъ, инстинктомъ, даже до послѣдняго времени, когда ихъ столичные, вполнѣ искусные собратья, хорошо знающіе толкъ въ своемъ дѣлѣ, разсылали въ провинцію ядовитые каталоги устанавливали рыночную цѣну, на рѣдкости въ особенности. Наши провинціалы каталоговъ этихъ не читали, въ руки ихъ не брали, а дѣйствовали, „такъ“, „какъ нибудь“, на авось да небось, а если узнавали что-нибудь, то освѣдомленность эта приходила къ нимъ заднимъ, сильно запоздавшимъ числомъ, всегда окольно, стороннимъ, обходнымъ путемъ. Много случалось досадныхъ анекдотовъ, и много съ ихъ стороны было случаевъ, что они, какъ говорятъ въ Москвѣ, книгу „проворонивали“, продавали если себѣ не въ убытокъ, то, къ большому удовольствію любителя-знатока, за баснословно дешевую цѣну. Теперь всѣ букинисты, даже въ провинціи, такой „цивилизациі“ по своей части набрались, что къ нимъ и подступа нѣтъ. Мало-мальски книга рѣдкая, распроданная—тотчасъ ссылка на Клочкова, Шибанова и даже уже на Соловьева—въ огромномъ большинствѣ случаевъ облыжно, но цѣна диктуется такая, что уши вянутъ.

Книжниками-торговцами въ старой Одессѣ были еще три другихъ любопытныхъ лица. Это два великоросса, Воробьевъ, Князевъ, и третій іудей—Альбертъ. Начало ихъ дѣятельности возникаетъ одновременно съ перемѣщеніемъ толкучки на Прохоровскую площадь, изъ центральной части города на границу окраины, къ Молдаванкѣ. Распоповъ и Газисъ къ тому времени обзавелись уже солидными торговлями, а Гордукаловъ перекочевалъ по первоначально на короткій срокъ на новую толкучку, а затѣмъ, послѣ небольшого перерыва, на Греческую площадь, гдѣ у него перебивалось много различныхъ сосѣдей, изъ которыхъ объ одномъ, объ Аккерштейнѣ, я скажу нѣсколько словъ ниже.

На новомъ мѣстѣ, гдѣ толкучка теперь находится, стояли ряды книжныхъ будокъ, одна изъ которыхъ принадлежала квасовару Воробьеву. Чисто русскаго типа, рослый мужчина съ истой

народной рѣчью, этотъ Воробьевъ, будучи квасопромышленникомъ, возжелалъ приумножить капиталы букинизмомъ и поставилъ будку для торговли по первоначально особымъ, спеціальнымъ книжнымъ товаромъ. Будучи самъ сектантомъ какого-то терпимаго церковью толка, онъ, какъ политикъ, повелъ торговлю только раскольниковыми книгами, рукописями и, конечно, сверхъ апокрифическихъ книгъ и рукописей, торговалъ и единовѣрческой, канонической литературой, изданіями синодальныхъ типографій, книгами Британскаго Библейскаго Общества, афонскаго и другихъ монастырей, журналами богословскаго содержанія и вообще всѣмъ, до богословія и исторіи церкви относящимся, не исключая сочиненій свѣтскихъ писателей по вопросамъ церкви, ересеи, раскола. Для Одессы онъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ пользовавшійся нѣкогда большой популярностью въ Москвѣ Большаковъ—меньшаго, разумѣется, масштаба. Дѣла его процвѣтали, въ особенности въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда онъ пересталъ чураться бѣсовской литературы, когда къ своему товару одинъ изъ угловъ будки отвелъ для Пушкина, Лермонтова, Тургенева и другихъ писателей еретиковъ. Вслѣдъ за этимъ повешествомъ онъ завелъ и торговлю учебниками. Дѣла шли шибко у Воробьева, ибо у него были деньги, и товаръ былъ у него и разнообразный и своеобразный. Велъ онъ дѣло прижимисто и съ хитрецей: завелся у него капиталецъ немалый. Но мѣрѣ того, какъ подрастали сыновья, старшій изъ нихъ сталъ помогать отцу въ будкѣ. Къ концу девяностыхъ годовъ дѣло вовсе захирѣло, онъ утратилъ энергію и сидѣлъ въ своей опустѣлой будкѣ ко всему безучастный, растерявъ и деньги, и товаръ, и квасное дѣло, которое еще и раньше у него уплыло изъ рукъ. Говорятъ, что помимо измѣнившихся условій рынка, много огорченій принесли ему дѣти, сыновья, главнымъ образомъ. Для удовлетворенія бѣсовскихъ алканій, сначала въ формѣ богопротивнаго зелья, табака, а затѣмъ неопотребства, и зелена вина, они отцовскую казну въ разоръ привели, чѣмъ душу свою погубили, а родителя скорбнаго во гробъ положили.

Другой великороссъ въ описываемое время сталъ съ лавкой своей на Новомъ базарѣ, ближе къ Торговой улицѣ, и торговлю велъ по первоначально чисто книжную, хотя болѣе лубочнаго характера; затѣмъ присоединилъ къ ней продажу образовъ, фольговыхъ иконъ лубочной иконописи; затѣмъ добавилъ къ этому деревянныхъ ложекъ и другого кустарнаго товара. Къ началу этого столѣтія книга у него потонула въ лужахъ, кнутовищахъ, мискахъ, ведрахъ и проч. и, наконецъ, совершенно вывелась, ибо остатки книжнаго добра онъ ликвидировалъ въ одинъ разъ, дабы

не мѣшали „дѣлу“. Книжникъ перевелся на лабазника. „Дядя—Князь“ стоялъ на базарѣ и торговалъ книгой безъ помѣхи, одиноко, конкурентовъ у него на площади не было, но, Богъ вѣсть отчего, онъ перевелъ, извелъ свое книжное дѣло. Былъ онъ парень татоватый, съ лица пригожій, умѣвшій веселить и привлекать каждаго; пользовался онъ уваженіемъ базара за свою независимость и пригожество, за образованность книжника, импонировавшую своей средѣ, и былъ предметомъ умильнаго вниманія со стороны прекраснаго пола. Будучи къ тому же человѣкомъ свѣтскимъ, „дядя Князь“ не чурался вина и елѣя, но сгубила его до времени—женитьба. Кажется, неудачный выборъ невѣсты, которую онъ поялъ въ жены, разомъ измѣнили Князя до неузнаваемости. Онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, сталъ немощнымъ, дѣло забросилъ и скончался преждевременно, еще не очень старымъ человѣкомъ, отъ какого-то тяжелаго недуга.

На Итальянской, нынѣ Пушкинской, улицѣ, близъ вокзала, въ домѣ родственниковъ своихъ, въ низенькомъ, въ одно окно помѣщеніи, торговалъ книгами Альбертъ. Кто еще со школьных лѣтъ изъ одеситовъ не помнитъ стараго, всегда стараго, какъ будто бы не знавшаго никогда молодости Альберта? Примѣчательная, всегда окруженная кучами въ беспорядкѣ валявшихся книгъ, фигура останется навсегда памятной одесскимъ библіофиламъ. Да и у всѣхъ, кто заходилъ въ его лавку за покупкой, онъ—маленькій, всегда занятый укладкой своихъ книгъ, съ суетливыми манерами, съ экспансивными объясненіями, въ костюмѣ далеко не первой свѣжести, съ очками въ металлической оправѣ, всегда производившій впечатлѣніе никогда не мывшагося человѣка, готовый всегда вступить въ пререканія, хотя очень воспитанный человѣкъ,—онъ, я увѣренъ, встаетъ, какъ живой, съ окружавшимъ его хаосомъ и гѣголевскимъ запахомъ... Ахъ, этотъ всегда окружавшій его хаосъ, эти кучи пыли, эта грязь, этотъ запахъ неопрятности, всегда Альберту присущій! Казалось, что вся окружавшая его обстановка и атмосфера были такъ неразлучны и такъ другъ отъ друга неотдѣлимы, что нельзя было эту обстановку представить себѣ безъ Альберта, а Альберта безъ этихъ обстановки и запаха. Это былъ не просто неряха, не только неаккуратный, презиравшій всякій комфортъ человѣкъ, не аскетъ даже, это былъ, думаю, маниакъ, которымъ владѣла безраздѣльно, безостаточно фанатическая, не любовь даже, а страсть къ книгѣ—къ ней, только къ книгѣ, и больше ни къ чему и ни къ кому, до полного самозабвенія. Онъ любилъ книгу, какъ Ромео любилъ Джульетту, какъ Цаоло—Франческу, обожалъ какъ Донъ-Кихоть Дульцинею То-

бозскую, болѣе того, сверхъ того,—какъ маніакъ. Не пытаются, спать среди книгъ, отказывать себѣ во всемъ необходимомъ, чуть ли не въ прикрытіи грѣшнаго тѣла—это ли не маніачество? Кромѣ перечисленнаго, извѣстно еще, что онъ никогда хорошую книгу никому не показывалъ, а за книгу, случайно попавшую въ руки покупателя, назначалъ такую цѣну, что для того, чтобы купить ее, надо было быть Ротшильдомъ. Но даже и при согласіи съ его цѣной, онъ измышлялъ причины и поводы къ отказу и оставлялъ книгу у себя. Извѣстно также, что онъ пріобрѣталъ для себя у Суворина всѣ вновь выходящія книги по номинальной цѣнѣ изъ тѣхъ, которыя пріобрѣсти считалъ необходимымъ.

Прожилъ Альбертъ всю жизнь одиноко, не вѣдая никого и не общаясь ни съ кѣмъ. Циркулировала легенда о томъ, что у него сгорѣли въ печи, запрятанныя туда отъ посторонняго глаза, скопленные имъ деньги, и большая сумма. Называли даже 10000 рублей; говорятъ объ этомъ и теперь, какъ о фактѣ. Но это—сказка, легенда, басня, основой для которой служили его аскетическій образъ жизни, его скарденность. Денегъ у него не было. Денегъ онъ не могъ сдѣлать, ибо покупокъ большихъ не предпринималъ, торговалъ мало учебниками старыхъ изданій, и вообще коммерсантъ онъ былъ весьма плохой. Памятникомъ его библіоманіи останется изданная въ Одессѣ въ 1876 году компилятивная брошюрка „Библіоманія“, составленная по иностраннымъ источникамъ. Два—три послѣднихъ передъ смертью года онъ хворалъ, помѣстился въ углу двора, въ холодѣ, въ тѣснотѣ, въ сырости, гдѣ жилъ со своими книгами безъ торговли, вынужденный болѣзною кое-что изъ своего добра разносить по домамъ, и умеръ въ Еврейской больницѣ въ 1911 году одиноко, ни кѣмъ не оплаканный.

Къ позднѣйшей исторіи Одессы относится оригинальный, интеллигентный книжникъ-мизантропъ, Аристархъ Ивановичъ Мавродіади, открывшій торговлю на Нѣжинской улицѣ, а затѣмъ перемѣстившій ее на Кузнечную, гдѣ въ одиночествѣ, безвѣстно и скончался, пролежавъ около трехъ сутокъ взаперти, никѣмъ не тревожимый. Началъ свое книжное дѣло онъ уже зрѣлымъ весьма человѣкомъ, но выслугѣ казенной пенсіи по должности инспектора правительственной гимназіи, въ какомъ-то маленькомъ городкѣ западнаго края. Отличался угрюмостью и скупословіемъ невѣроятными; не лаконизмомъ, нѣтъ, а просто на просто цѣдилъ слова съ получасовыми паузами. Быть можетъ, одичалости его много способствовала его неудачно сложившаяся семейная жизнь, о которой повѣдалъ мнѣ одинъ изъ его сыновей, студентъ

Варшавскаго Университета, прїѣхавшій на похороны отца и ликвидацію наслѣдства. Нелюдимость покойника граничила съ человѣконенавистничествомъ. Свои книжные запасы онъ накопилъ еще до переселенія въ Одессу, и такъ какъ онъ, подобно Альберту, одержимъ былъ библіоманіей, то, ничего не продавая, постепенно увеличивалъ и увеличивалъ свой запасъ, доведя количество книгъ до 30000 экземпляровъ, какъ это установлено было описью судебного пристава, принимавшаго охранительныя мѣры по смерти покойнаго. Всѣ 3—4 его комнаты переполнены были книгами отъ пола до потолка, въ полкахъ, стоявшихъ вдоль и поперекъ комнатъ, до полной буквально невозможности повернуться, до невозможности дышать. Къ полкамъ едва возможно было проникнуть бокомъ, и бокомъ только можно было выкарабкаться обратно. Помѣщенія свои онъ устраивалъ такимъ образомъ, что для пріема покупателя оставалось около двери ограниченное полками пространство, въ которомъ могло помѣститься не болѣе 2-хъ человѣкъ, безъ возможности проникнуть за стойку, за которой, какъ за неприступной твердыней, возсѣдалъ Мавродіади. Онъ всѣмъ отказывалъ въ продажѣ книгъ, кромѣ учебниковъ, которые были у него подъ руками. Проникнуть въ святая святыхъ, въ хранилища книжныя, дано было лишь нѣкоторымъ немногимъ избранныкамъ послѣ долговременнаго искуса. Тѣтними каникулами Мавродіади законопачивалъ свою торговлю, запасался билетомъ четвертаго класса и предпринималъ поѣздки, большею частью въ среднюю полосу Россіи на книжную ловитву. Онъ всегда привозилъ обильную добычу, но, какъ библіотекъ, никому ничего не показывалъ. Будучи филологомъ по образованію, классикомъ по склонности (онъ преподавалъ латинскій и греческій языки) и грекомъ по происхожденію, онъ отдавалъ предпочтеніе античному міру, любилъ Гомера, Софокла, Овидія, Тацита, Цицерона, любилъ изданія классиковъ въ пергаментѣхъ, въ первыхъ альдинскихъ и эльзевировскихъ изданіяхъ, въ инкунабулахъ.

Въ образѣ жизни между Мавродіади и Альбертомъ сходство было поразительное: та же отчужденность отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, та же пренебреженіе къ какому-либо комфорту, даже больше—режимъ, исключаящій удовлетвореніе самыхъ главнѣйшихъ насущныхъ потребностей тѣла—теплоты, чистоты, сытости. Жилъ и онъ, какъ Альбертъ, вмѣстѣ съ книгами въ полутемныхъ, сырыхъ, потому что холодныхъ, въ холодныхъ, потому что не топленихъ, помѣщеніяхъ, воздухъ изъ которыхъ былъ вытѣсненъ книгами почти до остатка, а качество этого остатка не трудно вообразить, если принять во вниманіе не только

сырость, не только темноту, не только холодъ, но еще ту безконечную массу грязи и пыли, которая систематически накопились и никогда не чистились, не убирались. Постелью для Мавродіади служило ложе на полу изъ остатковъ носильнаго платья, а одѣяломъ—текущее носильное верхнее платье. Чѣмъ и какъ питался Альбертъ, я не могу разсказать, но у Альберта были родственники въ Одессѣ, семья его брата, въ которой онъ хотя въ большіе праздники былъ въ кругу людей родныхъ, въ чистой горнищѣ сидѣлъ за столомъ и вкушалъ праздничную трапезу. Мавродіади держался неизмѣнно такого пищевого режима: однажды въ недѣлю, преимущественно въ воскресный день (со времени закрытія торговыхъ помѣщеній въ праздничные дни), дабы не терять рабочего времени, съ котомкой подъ мышкой отправлялся онъ въ такъ называемую „обжорку“ на толкучемъ рынкѣ, гдѣ снабжался на всю недѣлю надлежащимъ количествомъ вареной и жареной печенки; здѣсь же покупалъ съ рукъ у солдатъ распродаваемый ими по дешевому тарифу остаточный солдатскій ржаной хлѣбъ, тоже въ количествѣ, необходимомъ на недѣлю, и съ котомкой за плечами, съ ношей въ пудъ приблизительно, нашъ классикъ *per pedes apostolorum* возвращался домой. Дополненіемъ къ пищѣ служилъ, конечно, чай, который сервировался такъ: покупался въ магазинахъ, гдѣ сахаръ колютъ примитивнымъ способомъ, посредствомъ рубки сѣкачами, сахарный мусоръ, осколки, мелочь, щепы, отходящая при рубкѣ сахара, такъ сказать, побочный сахарный продуктъ, перемѣшанный съ посторонними веществами, ничего общаго съ сахаромъ не имѣющими, и низшаго сорта плиточный, дешевый кирпичный чай; третій элементъ,—кипятокъ, получался конечно, не изъ самовара, а приносимъ былъ дворникомъ въ жестянкѣ изъ ближайшаго трактира на копейку. Вотъ и все. Проще, скуднѣе, аскетичнѣе ничего не могло быть. Надо не забыть, что такъ жилъ одиноко, безъ единой сторонней души, интеллигентъ, классикъ, далеко не молодой уже человѣкъ, статскій совѣтникъ, получавшій приличную пенсію. Альбертъ держалъ всегда подручнаго мальчика; Мавродіади изъ опасенія быть обокраденнымъ (вспомните устройство его магазина), а также изъ мизантропизма, никого не держалъ, а жилъ и работалъ въ полнѣйшемъ одиночествѣ.

Въ помѣщеніяхъ бухминистовъ, такихъ, какъ Газисъ, Альбертъ, Мавродіади, было всегда до невѣроятія грязно, и пыльно. Пыль на книгахъ покоилась толстыми слоями, и когда книгу брали въ руки, цѣлое облако пыли обдавало васъ, при чемъ тяжелыя сѣрыя частицы пыли сыпались, падали и покрывали васъ сѣрымъ налетомъ.

томъ праха всего, съ головы до ногъ, не смотря на всю вашу предусмотрительность и осторожность. Если вы посылали Газису сердитое замѣчаніе по этому поводу, онъ всегда неизмѣнно повторялъ одно и то же: книга притягиваетъ пыль. И въ его рѣчи была неотразимая субъективная убѣжденность по поводу книжной пыли, дышала неотразимая вѣра. И лицо, и глаза свѣтились отраженіемъ чего-то суевѣрнаго, мистическаго; въ словахъ слышался скрытый ужасъ передъ этимъ таинственнымъ, чародѣйскимъ, непостижимымъ явленіемъ. Да, въ томъ, что книга притягиваетъ, наслонеть на себя пыль, всегда, невѣдомо какъ, невѣдомо когда и откуда, неизмѣнно, при всякихъ условіяхъ, будь даже она помещена и упрятана въ глубинѣ египетскихъ пирамидъ, Газисъ былъ убѣжденъ безповоротнo. Надо сказать правду: у Альберта, у Газиса, у Мавродіади книги притянули такую безконечную массу пыли, которой съ избыткомъ хватило бы на цѣлый уѣздный городъ. Если къ этой пыли добавить тотъ всѣмъ извѣстный запахъ типографской краски и бумаги, который заключенъ въ новой книгѣ и который всегда сопутствуетъ книгѣ, бывшей въ употребленіи, подчасъ весьма нерыщливомъ, то можно представить, какимъ сомнительнымъ воздухомъ дышали, дышутъ и будутъ дышать книжники, въ особенности тѣ изъ нихъ, кто подобно Газису и Мавродіади, живетъ съ ними неразлучно.

Я говорилъ уже, что Мавродіади умеръ одиноко, и о смерти его догадались чужіе люди потому, что дня два—три лавка его была занерта. И то, чего онъ всегда боялся, расхищенія, очевидно, произошло, случилось. Несомнѣнно, при немъ были деньги, въ какой суммѣ, неизвѣстно, но деньги были, и денегъ, когда прибыли власти, не оказалось. Я и покойный Осипъ Яковлевичъ Пергаментъ, утвердившій наслѣдниковъ къ имуществу покойнаго Аристраха Мавродіади, были первыми, имѣвшими доступъ къ книжному добру по смерти владѣльца, и каждый изъ насъ приобрѣлъ тогда у наслѣдника многу книгъ, и рѣдкихъ, и просто хорошихъ: но я не нашелъ многого изъ того, что въ собраніи покойника, несомнѣнно, было еще наканунѣ его смерти. Я не нашелъ уже многихъ дорогихъ иллюстрированныхъ изданій, нѣсколькихъ книгъ въ корректурныхъ экземплярахъ, съ авторскими измѣненіями; нѣкоторыя многотомныя сочиненія были въ разрозненномъ состояніи, изъ тѣхъ, которыя, я знаю, были полными; а что покойникъ прижизненно не дѣлалъ отчужденій, не могъ ихъ дѣлать, въ томъ мы всѣ были убѣждены. Нецѣли черезъ три по смерти Мавродіади его многочисленное книжное собраніе, послѣ того какъ библіофилы разобрали все лучшее, было распродано

розницей, „на пудъ“ старьевщикамъ, ибо купить его en masse никто изъ букинистовъ не рѣшался, по случаю присутствія большого количества учебниковъ, вышедшихъ изъ употребленія. Такъ тихо и грустно окончилъ земное поприще интеллигентный букинистъ, классикъ, Мавродіади.

Старикъ Аккерштейнъ. Отмѣчаю „старикъ“, ибо не долгое время торговалъ и молодой Аккерштейнъ, сынъ его, уѣхавшій вскорѣ на дальній востокъ. Аккерштейнъ—случайный въ Одессѣ человекъ. Это былъ старый, заправскій книжникъ, издававшій въ свои молодые годы свѣтлые дни, безхитростный и наивный по дѣтски до глубокой старости, прекрасной души, всегда безъ гроша въ карманѣ, впроголодь доживавшій свои дни человекъ. Началъ онъ книжное дѣло въ Кишиневѣ, гдѣ имѣлъ большой магазинъ, въ которомъ велась торговля исключительно новѣйшими книгами. Онъ, когда его дѣла нѣсколько пошатнулись, согрѣшилъ передъ Господомъ, тѣмъ, что, боясь кредиторовъ, „переписалъ“ торговлю на имя другого, сдѣлавъ этого другого, юридическимъ владѣльцемъ, а этотъ, другой, не счелъ грѣхомъ воспользоваться своимъ правомъ и юридически, и фактически, и совершенно завладѣвъ дѣломъ, выгналъ Аккерштейна буквально на улицу. Не долгое время Аккерштейнъ оставался въ Кишиневѣ приказчикомъ въ чужихъ книготорговляхъ, между прочимъ у извѣстнаго нѣкогда книгопродавца Шаха. Перекочевавъ въ Одессу, здѣсь онъ то служилъ за чужимъ прилавкомъ, то часто вовсе оставался безъ дѣла, пока не устроился въ чьей-то чужой будкѣ на Греческой площади. Не имѣя средствъ для покупокъ, онъ всегда находился въ чужой зависимости отъ капиталистовъ, безшабашно его эксплуатировавшихъ. Перебивался онъ еле-еле, съ хлѣба на квасъ, часто оставался при одномъ квасѣ. Стоя по зимамъ въ продувной будкѣ, плохо одѣтый, плохо сытый, онъ, видѣвшій лучшіе дни, сносилъ все безропотно, съ такой ангельской покорностью судьбѣ, что, казалось, принимаетъ сіе во имя и во славу Господа, какъ должное за тогъ лукаво-нечестивый шагъ, на которомъ споткнулся въ Кишиневѣ. Если иногда библиофилы давали ему рубль—другой для обзаведенія въ кредитъ, онъ получалъ эти монеты, подавленный обстоятельствами, съ благодарнымъ взоромъ и снѣшилъ прибавить, что на „будущей недѣлѣ“ разбогатеетъ и возвратитъ уже все сполна. Умеръ Аккерштейнъ горемыкой немедленно послѣ того, какъ лавка была у него изъята за неплатежъ установленныхъ городскихъ сборовъ.

Къ позднѣйшимъ букинистамъ надо отнести неудачника Самборскаго. Это—бывшій приказчикъ въ двухъ большихъ тор-

говляхъ въ Одессѣ: у Распопова и у Суворина, человѣкъ съ большимъ книжнымъ опытомъ и съ большой слабостью, которую называютъ специально „русской“. Потерявъ службу по случаю упомянутой слабости, онъ открылъ самостоятельную торговлю на углу Гулевой и Шѣкинской ул., въ хорошемъ помѣщеніи. Неудачливо начато было и неудачливо окончилась его самостоятельная дѣятельность. Для веденія коммерческаго предпріятія, какъ и для веденія войны, необходимы три вещи: деньги, затѣмъ деньги и еще деньги. Эти три вещи у Самборскаго сполна отсутствовали. Пара сотенъ рублей, въ значительной мѣрѣ чужихъ, еле хватила для найма и обстановки, а о книжномъ добрѣ Самборскій какъ то упустилъ позаботиться. Полки оставались пустыми; если и лежали на нихъ нѣсколько десятковъ учебниковъ и небольшое количество книгъ лубочнаго товара, то это было очень недостаточно для дѣла. Комически жалко было видѣть Самборскаго, человѣка, привыкшаго чувствовать себя въ большомъ дѣлѣ, когда онъ, очутившись въ своей пустой лавкѣ, проявлялъ горячую, кипучую дѣятельность: непрерывно перекладывалъ, переставлялъ, систематизировалъ свой товаръ, выкладывалъ его на прилавокъ, размѣчалъ условными, шифрованными отмітками, какъ это принято во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, накладывалъ штемпеля своей фирмы, выколачивалъ пыль изъ новыхъ Сытинскихъ зданій текущаго года, разносилъ записи по разнымъ фактурнымъ книгамъ и гроссбухамъ и т. п. и въ этой, создаваемой имъ единолично сумятицѣ и совершенно ненужной вознѣ воображалъ себя представителемъ колоссальнаго, отвѣтственнаго дѣла; быть можетъ, онъ хотѣлъ въ этой искусственной, бесполезной, но непрерывной дѣятельности заглушить подступавшее обидное сознаніе безсилія и неминуемаго близкаго конца, краха всему. И крахъ, разумѣется, не заставилъ себя ожидать. Торговли никакой не было, потому что торговать было нечѣмъ; выручка, какая поступала за день, уходила на жизнь и на удовлетвореніе „русской“ слабости, и покрыть счета за отпущенный въ кредитъ товаръ, заплатить за помѣщеніе не было возможности. Черезъ 2—3 мѣсяца торговля прекратилась; по прекращеніи торговли Самборскій заболѣлъ и вскорѣ умеръ, оставивъ по себѣ памятникъ въ печатномъ изданіи: „Живая библіографія послѣднихъ ста лѣтъ“. Составилъ и издалъ Н. Р. Самборскій. Одесса 1895 г. (Брошюра на 67 страницахъ).

На страницахъ прошлаго необходимо отмѣтить симпатичнаго неудачника Ивана Петровича Жилина, также букиниста колпортерскаго типа, торговавшаго въ разность. Библіофиламъ памятна сухощавая фигура этого, умершаго въ 1901 году, бывшаго чи-

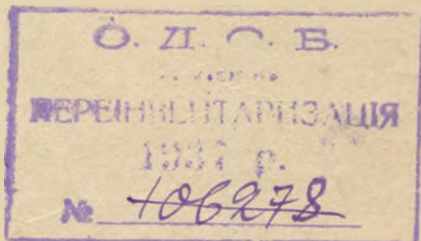
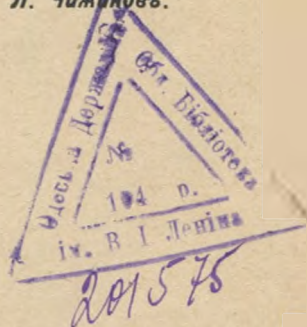
повника канцеляріи Одесскаго Градоначальника, ставшаго книжникомъ по влеченію къ книгѣ. Всегда-то онъ, сколько я его помню, а зналъ я его въ теченіе около полутора десятка лѣтъ, неизмѣнно жаловался на недуги, плакался на судьбу, и всегда носилъ вмѣстѣ съ книгами огромный запасъ просьбъ всякаго рода, большей частью неисполнимаго рода, всегда спрашивалъ совѣтовъ отъ болѣзней, просилъ лѣкарствъ. У меня хранится много записокъ его, переполненныхъ такими жалобами и просьбами, относящимися къ послѣднему періоду его жизни, когда, одержимый какою-то странной болѣзью, онъ уже не выходилъ изъ дому. Въ крохотной каморкѣ во дворѣ, на М.-Арнаутской ул., кажется, гдѣ онъ въ послѣднее время жилъ и гдѣ умеръ, было сыро и тѣсно. Каморка была устроена изъ тонкаго камня, съ оконцемъ въ одну раму, безъ печи, и обогрѣвалась переносной, тоненькой, маленькой желѣзной печкой, распространявшей нестерпимую жару во время топки и оставлявшей неносный холодъ, когда она гасла. Но даже въ моменты, когда печка накалялась до красна, когда невозможно было дышать отъ духоты, Жилинъ зябъ, жаловался на холодъ, на лихорадку, кутаясь въ фуфайку, во все теплое, что у него только было. По его словамъ, онъ представлялъ собой патологическую схему: такое обиліе всяческихъ недуговъ было несовмѣстимо, и тѣмъ не менѣе всѣ они въ немъ сосуществовали, онъ ими страдалъ, изнывалъ отъ нихъ. Медицина была безсильна разгадать его болѣзнь, была безпомощна оказать ему облегченіе, но лѣчиться онъ не переставалъ. Временами, напирѣвъ, имъ овладѣлъ такой странный зудъ, распространявшійся по всему тѣлу, что смотрѣть на него было буквально страшно; тѣло-движенія, къ которымъ прибѣгалъ, и къ которымъ вынуждалъ его этотъ зудъ, непередаваемы. Говорили, что онъ былъ одержимъ лѣзвѣю, и на это было похоже. Будучи интеллигентнымъ чиновникомъ, онъ—неизвѣстно, по какой причинѣ—оставался издавна безъ службы и ея не искалъ, а жилъ другой, мало свойственной чиновнику профессіей, доставалъ гдѣ-то (напр., на толкучкѣ) книги, въ которыхъ онъ зналъ толкъ, и носилъ ихъ для продажи на домъ всѣмъ библіофиламъ. Разумѣется, жилъ крайне бѣдно, у простыхъ людей, у которыхъ всегда пользовался почтеніемъ и всяческимъ вниманіемъ, за свою умственность. Внушалъ онъ къ себѣ сострадательное чувство и въ книжной средѣ; будучи чело-вѣкомъ воспитаннымъ, онъ пользовался покровительствомъ одного изъ мѣстныхъ главныхъ книгохранилищъ, отдававашаго ему дублеты своихъ книгъ съ благотворительной цѣлью, для поддержанія его убогаго существованія. Умеръ онъ еще нестарымъ чело-вѣкомъ,

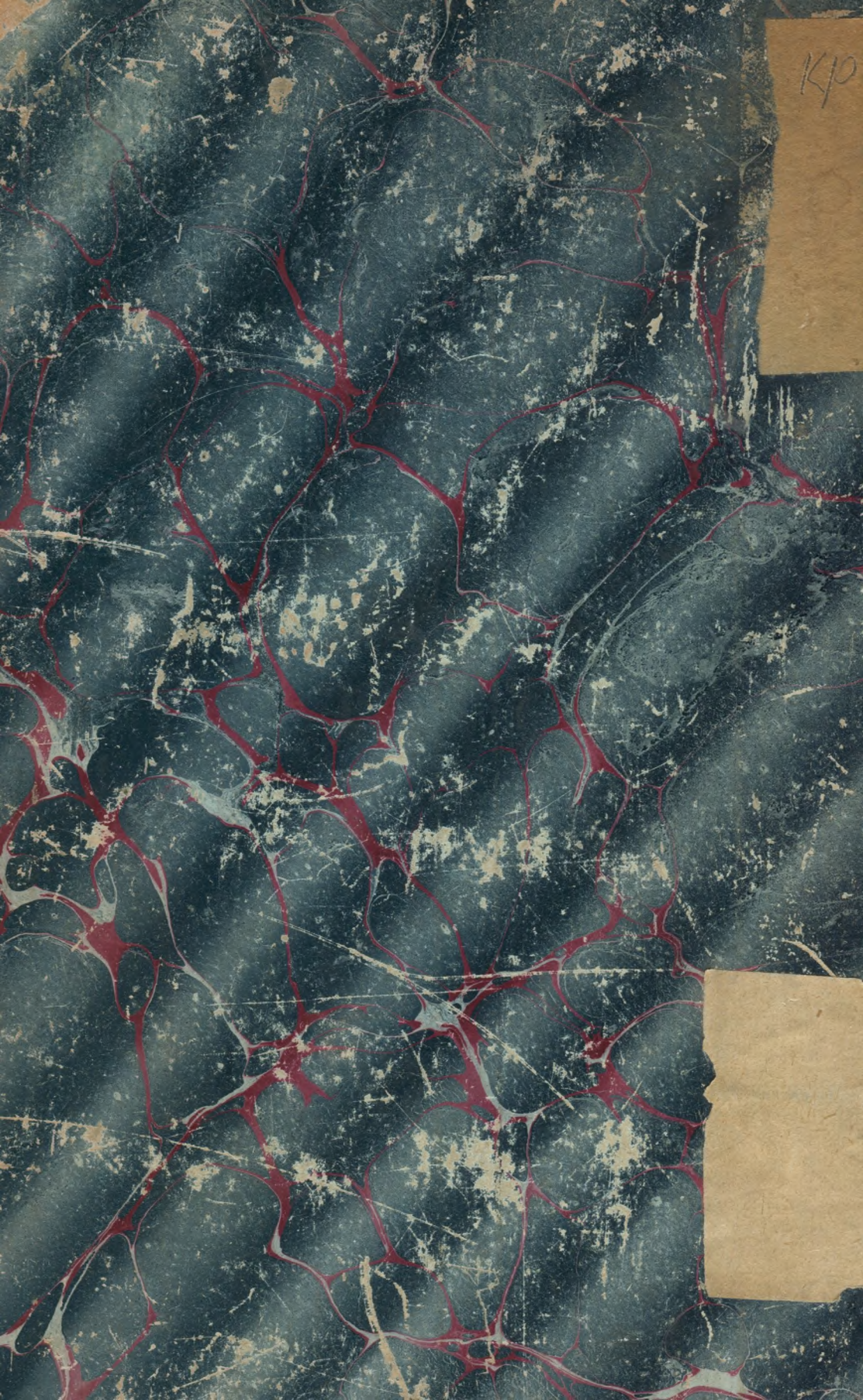
но про него можно сказать: истаялъ, зачахъ. Былъ ли онъ женатъ въ своемъ прошломъ, были ли у него дѣти, родственники, мнѣ неизвѣстно. Я зналъ его жалкимъ, одинокимъ, и одиноко онъ умеръ у чужихъ людей.

Мои наблюденія, факты, мною сообщенные, могли бы служить темой для многихъ обобщеній, но я ограничусь тѣмъ выводомъ, который мимоходомъ наблюденъ, не помню кѣмъ, что букинисты, несмотря, казалось бы, на неблагопріятныя условія своей жизни, вообще (пыль, недостатокъ свѣта, воздуха, недостатокъ движенія, скучный образъ жизни), вопреки очень неблагопріятнымъ условіямъ для многихъ изъ нихъ (матеріальная нужда, холодныя помѣщенія, скудное питаніе и т. п.), доживаютъ до преклоннаго, или, во всякомъ случаѣ, до почтеннаго возраста, что букинисты не умираютъ въ цвѣтушихъ годахъ, въ молодости.

5425

Л. Чижиковъ.

K/10